

НАУЧНЫЙ ЦЕНТР «АЭТЕРНА»

**НОВЫЕ ЗАДАЧИ ПРАВА
И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ**

**Сборник статей
Международной научно-практической конференции
1 сентября 2014 г.**

**Уфа
АЭТЕРНА
2014**

УДК 00(082)
ББК 65.26
Н 33

*Ответственный редактор:
Сукиасян А.А., к.э.н., ст. преп.;*

Н 33 НОВЫЕ ЗАДАЧИ ПРАВА И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ: сборник статей Международной научно- практической конференции (1 сентября 2014 г, г. Уфа). - Уфа: Аэтерна, 2014. – 30 с.
ISBN 978-5-906763-87-7

Настоящий сборник составлен по материалам Международной научно-практической конференции «**НОВЫЕ ЗАДАЧИ ПРАВА И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ**», состоявшейся 1 сентября 2014 г. в г. Уфа.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а так же за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. Материалы публикуются в авторской редакции.

УДК 00(082)
ББК 65.26

ISBN 978-5-906763-87-7

© Коллектив авторов, 2014
© ООО «Аэтерна», 2014

ЦЕЛИ ПРИМЕНЕНИЯ КОНВЕНЦИИ О ПРИВИЛЕГИЯХ И ИММУНИТЕТАХ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ 1946 Г.

Конвенция о привилегиях и иммунитетах Объединенных Наций 1946 г. (далее – Конвенция) [1] устанавливает юридические рамки персонального иммунитета, о которых пойдет речь в настоящей статье. Если какие-то категории лиц не охватываются действием Конвенции, особенности их правового статуса определяются соглашениями о статусе сил (ССС / SFA), резолюциями Совета Безопасности ООН и внутренними правилами, регламентирующими порядок деятельности в рамках конкретных миротворческих миссий.

Общий иммунитет ООН и ее должностных лиц предусматривает применение такого статуса, который влияет на дальнейшее определение иммунитета для конкретных миротворческих операций. Иммунитет самой Организации и ее сотрудников предоставляется на основании ст. 105 Устава ООН, которая устанавливает следующее.

1) Организация пользуется на территории каждого из своих членов такими привилегиями и иммунитетами, которые необходимы для выполнения ее целей;

2) Представители государств – членов Организации и ее должностные лица также должны пользоваться такими привилегиями и иммунитетами, которые необходимы для независимого осуществления ими своих функций в связи с деятельностью Организации;

3) Генеральная Ассамблея вправе давать рекомендации с целью определения деталей применения пунктов 1 и 2 ст. 105 либо предложить для этой цели членам Организации конвенции.

ООН и ее должностные лица получают, таким образом, ограниченный, «функциональный» иммунитет на основе Устава Организации. Из этого можно сделать вывод о том, что действия, выходящие за пределы юрисдикции ООН или должностных обязанностей ее персонала, в том числе «серьезные нарушения прав человека», не охватываются иммунитетом, предоставляемым Уставом Организации [2, p. 480].

Сфера функционального иммунитета, предусмотренного Уставом ООН, определяется Конвенцией. Разделы 18, 19 и 22 Конвенции имеют эффект наделения иммунитетом должностных лиц ООН, гражданского персонала, военных наблюдателей и экспертов миссий. К числу последних относятся и члены международных полицейских оперативных сил [4]. Раздел 17 Конвенции уполномочивает Генерального секретаря ООН обозначать такие категории должностных лиц, к которым применяются положения о привилегиях и иммунитетах.

Применительно к персоналу ООН иммунитет предоставляется для того, чтобы облегчить независимое функционирование Организации, а не для выгоды конкретного индивида [3, p. 103]. Такой же вывод позволяет сделать анализ разделов 14, 20 и 23 Конвенции. Раздел 14 предусматривает, что государство – член ООН не просто имеет право, но и обязано отказаться от иммунитета своих представителей в любом случае, когда он препятствует отправлению правосудия и когда такой отказ не нанесет ущерба интересам Организации. Разделы 20 и 23 аналогичным образом позволяют Генеральному секретарю ООН

отказаться от иммунитета должностных лиц и экспертов Организации, когда такой иммунитет препятствует отправлению правосудия. Иммунитет может быть отменен без ущерба для цели, с которой он изначально предоставлялся. Так, сотрудники ООН лишились своего иммунитета в Косово и Восточном Тиморе, когда была доказана их причастность к совершению тяжких преступлений против личности. В Косово причиной отмены иммунитета стали убийства, изнасилования и акт геноцида. В Восточном Тиморе имели место два случая отмены иммунитета сотрудников ООН, которые участвовали в изнасилованиях и сексуальных надругательствах над детьми [3, р. 119].

Анализ международно-правовых документов и практики их применения в миротворческих операциях дает основание предположить, что существует некая неопределенность и даже двусмысленность, связанная с возможностью привлечения миротворческих сил к ответственности за серьезные нарушения Женевских конвенций 1949 г. и прочие серьезные нарушения международного гуманитарного права. Различные иммунитеты, предоставляемые Конвенцией, действуют в интересах ООН, а не для личной выгоды, и Римский статут Международного уголовного суда прямо устанавливает, что никакое лицо не обладает неприкосновенностью от его юрисдикции.

Хотя Конвенция возлагает на аккредитующее государство обязательство отказаться от иммунитета, если таковой будет мешать отправлению правосудия, это положение обладает ограниченным эффектом, поскольку не распространяется на такие аккредитующие государства, которые не ратифицировали Конвенцию 1946 г.

Список использованной литературы:

1. Convention on the Privileges and Immunities of the United Nations (opened for signature 13 February 1946, 1 UNTS 15, entered into force 17 September 1946).
2. *Murray J.* Who Will Police the Peace-Builders? The Failure to Establish Accountability for the Participation of the United Nations Civilian Police in the Trafficking of Women in Post-Conflict Bosnia and Herzegovina // *Columbia Human Rights Law Review.* – 2003. – № 34. – P. 475-507.
3. *Rawski R.* To Waive or Not to Waive: Immunity and Accountability in UN Peacekeeping Operations // *Connecticut Journal of International Law.* – 2002. – № 18.
4. UN Peacekeeping Mission Personnel and Trafficking in Women. [URL] <http://www.stopvaw.org/printview/63769328-4c32-4d42-b001-3f275ff7a3ff.html>

© П.Г. Зверев, 2014

УДК 355.357

П.Г. Зверев

Преподаватель кафедры общеправовых дисциплин
Калининградского филиала
Санкт-Петербургского университета МВД России
кандидат юридических наук
г. Калининград, Российская Федерация

ТИПЫ ИММУНИТЕТА ПО КОНВЕНЦИИ О ПРИВИЛЕГИЯХ И ИММУНИТЕТАХ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ 1946 Г.

Конвенция о привилегиях и иммунитетах Объединенных Наций 1946 г. [1] (далее – Конвенция) предусматривает пять основных типов иммунитета:

1) Ст. II – Имущество, фонды, активы.

Согласно ст. II, Организация Объединенных Наций и все ее имущество пользуются иммунитетом от «любой формы судебного процесса» в государстве местонахождения, при этом помещения ООН, архивы и документы объявляются «неприкосновенными».

В разделе 3 ст. II говорится о том, что собственность ООН «пользуется иммунитетом от обыска, реквизиции, конфискации, экспроприации и других форм вмешательства путем исполнительных, административных, судебных или законодательных действий».

Иммунитет от «любой формы судебного процесса» не препятствует ООН осуществлять собственные юридические действия в отношении другой стороны, поскольку отказ от иммунитета «не распространяется на любые меры исполнения судебного решения». Иммунитет от судебного процесса также относится к сбору налогов.

2) Ст. III – Объекты средств связи.

Разделы 9 и 10 ст. III Конвенции имеют своей целью обеспечение целостности связи ООН путем ограничения правительств на введение цензуры на средства связи Организации. Кроме того, предусматривается, что на территории своего государства-члена ООН пользуется «не менее благоприятным» обращением, чем правительство этого государства-члена. В соответствии со ст. III, корреспонденция ООН обладает теми же иммунитетами и привилегиями, что и обычные дипломатические курьеры и дипломатический багаж.

3) Ст. IV – Представители членов ООН.

Ст. IV закрепляет ряд иммунитетов, которые применяются в отношении представителей ООН. Термин «представители» включает в себя как представителей государств – членов ООН, так и представителей связанных с Организацией органов. Под ним также понимаются все «делегаты, помощники делегатов, советники, технические эксперты и секретари делегаций». Иммунитеты, предоставляемые ст. IV, включают иммунитет от «судебного процесса любого рода» в отношении сказанного или написанного и всех действий, совершенных представителями в процессе выполнения своих обязательств. Раздел 11(а) указывает на то, что представители пользуются иммунитетом от ареста или задержания, а также от ареста багажа. Иммунитет предоставляется представителям от всех судебных процессов за действия, совершенные во время функционирования подразделения, даже если представитель уже оставил данное подразделение.

4) Ст. V – Должностные лица.

Ст. V устанавливает иммунитеты, которые распространяются на сотрудников Организации. Должностными лицами считаются лица, которые напрямую нанимаются Организацией и утверждаются в должности Генеральным секретарем. Должностные лица ООН наделены теми же привилегиями и иммунитетами, которые обычно предоставляются дипломатам в отношении них самих и членов их семей. Функциональный иммунитет включает в себя иммунитет от судебной ответственности за сказанное и написанное ими, а также за все действия, совершенные ими в «официальном качестве».

Ст. V также освобождает должностных лиц ООН от обязанности платить ввозных налогов. При этом официальный иммунитет, предусмотренный ст. V, может быть отозван или упразднен ООН.

5) Ст. VI – Эксперты Миссии Организации Объединенных Наций.

Ст. VI касается иммунитетов, предоставляемых экспертам (иных, чем иммунитеты, предоставляемые должностным лицам ООН по ст. V), в процессе выполнения миссий Организации. Ст. VI обеспечивает экспертам те же самые иммунитеты, которые предоставляются должностным лицам и представителям ООН.

Термином «эксперты» охватываются представители ООН, такие как инспекторы ООН по вооружениям или, например, персонал Всемирной организации здравоохранения.

Наконец, следует отметить ст. VII Конвенции, в которой идет речь о пропусках (*laissez-passer*) Объединенных Наций. В соответствии со ст. VII ООН оставляет за собой право предоставлять пропуска (UNLP) всем официальным лицам.

Пропуск ООН – это проездной документ, выдаваемый Организацией, который должен признаваться и приниматься в качестве действительного документа властными структурами государств – членов ООН. Государства – члены ООН обязаны обрабатывать заявки на проезд, связанные с пропусками ООН, «как можно быстрее». И хотя само это положение не предоставляет конкретного иммунитета, оно кодифицирует обычное право сотрудников ООН беспрепятственно перемещаться по территории всех государств – членов Организации.

Список использованной литературы:

5. Convention on the Privileges and Immunities of the United Nations (opened for signature 13 February 1946, 1 UNTS 15, entered into force 17 September 1946).

© П.Г. Зверев, 2014

УДК 340.135

М.А. Зинковский

Кандидат юридических наук, старший преподаватель
кафедры гражданского права и процесса
Юридического института, адвокат
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет НИУ «БелГУ»
Г.Белгород, Российская Федерация

ЮРИДИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА¹

Состояние российской экономики последних лет сопряжено с кризисными процессами. Мировой финансовый кризис существует и признан в рамках международного права многими главами государств. Последствия таких явлений разнообразны: от высокого уровня безработицы до банкротства крупных национальных отраслей производства и предприятий. Национальный экономический кризис современной России связан с общемировым экономическим кризисом, что делает его последствия более существенными и значительными.

Следует заметить, что категория экономического кризиса ясна каждому человеку и употребляется часто официальными государственными служащими и должностными лицами. Знают о существовании такого явления и российские промышленники и предприниматели, но справиться с ним бывает очень сложно на практике. Таким образом, национальный экономический кризис - это явление, которое известно всем, но не имеющее универсальных рецептов его преодоления.

¹ Данный материал является результатом научного исследования Зинковского М.А. в рамках работы над Грантом Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых - кандидатов наук (Конкурс - МК - 2014). Тема гранта: «Проблемы гражданско-правового регулирования оборота безналичных денежных средств в условиях национального экономического кризиса».

В этой связи актуальным является вопрос о месте категории национального экономического кризиса в российском гражданском праве. В настоящее время последствия национального экономического кризиса видны и с позиций гражданского права, к числу которых можно отнести: преднамеренное или фиктивное банкротство должников; невозврат кредиторской задолженности под прикрытием кризиса; создание фирм на непродолжительный срок (так называемые «фирмы однодневки»); аферы с использованием кредитов и безналичных денежных средств; отмывание денежных средств путем создания несуществующих гражданско-правовых обязательств или сделок, исполнение по которым невозможно или не производилось в действительности; ведение бизнеса через мнимую торговую сеть; ведение бизнеса в составе вымышленного холдинга или группы компаний; создание фидуциарного бизнеса и т.д.

Названные и многие другие последствия национального экономического кризиса непосредственно связаны с гражданским правом. В настоящее время категория национального экономического кризиса не регламентирована должным образом с позиций гражданского законодательства. Терминологически не ясно, к какой отрасли знаний и действующего законодательства следует относить кризис внутри страны.

Можно использовать общие положения гражданско-правовой ответственности и посмотреть на национальный экономический кризис через призму форс-мажорных обстоятельств или непреодолимой силы, например, в договорных отношениях между субъектами предпринимательской деятельности. Однако отсутствие норм гражданского права в этой области делает эту попытку безрезультатной. Поэтому, в судебных органах все неплатежеспособные предприниматели могут воспользоваться таким подходом и уменьшить свое бремя денежных гражданско-правовых обязательств с точки зрения непреодолимой силы - национального экономического кризиса.

С другой стороны, национальный экономический кризис может быть рассмотрен, как чрезвычайные экономические условия, при которых возможно частичное послабление режима гражданско-правовой ответственности, как для физических лиц, так и для представителей бизнес сообщества. Так же можно рассмотреть возможность предоставления видовых кредитов для разных секторов экономики и, соответственно, слоев населения. В кризис можно отменить действия договорных и законных неустоек, а также убрать применение ст. 395 ГК РФ.

Вышеизложенные обстоятельства позволяют сделать некоторые выводы. Национальный экономический кризис с точки зрения гражданского права исследован мало, его правовое регулирование и терминологическое закрепление в действующем гражданском законодательстве представляются важными и экономически необходимыми. Экономический кризис современной России имеет большие последствия с точки зрения экономики и гражданского права, поэтому изучение названного института является актуальной задачей в науке гражданского права.

Примечание: Данный материал является результатом научного исследования Зинковского М.А. в рамках работы над Грантом Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых - кандидатов наук (Конкурс - МК - 2014). Тема гранта: «Проблемы гражданско-правового регулирования оборота безналичных денежных средств в условиях национального экономического кризиса».

© М.А. Зинковский, 2014

ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ДОПУСТИМОСТИ ПРОВОЦИРУЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ

Правоохранительная деятельность представляет собой многоаспектную и сложную деятельность, которая направлена на защиту прав и свобод человека и интересов государства. Данная деятельность находит выражение в различных действиях сотрудников правоохранительных органов, но при этом она не должна быть по своей сути противоправной, осуждаемой обществом. Однако в своей практической работе сотрудники имеющие право проводить оперативно-розыскные мероприятия сталкиваются с необходимостью выявлять лиц, которые желают совершить преступление и обнаруживают свой умысел либо совершают действия по приготовлению к преступлению. Особенности нашего законодательства затрудняют процесс доказывания преступления на данном этапе, что влечет необходимость контролировать (сопровождать) процесс совершения преступления и задерживать преступника уже на стадии покушения. Чаще всего такая деятельность производится в рамках таких оперативно-розыскных мероприятий как оперативный эксперимент и проверочная закупка.

Представляется, что оперативный эксперимент и проверочная закупка во многом схожа с провокацией. Не зря Н.А. Громов утверждает, что отсутствие процессуальных гарантий делает оперативный эксперимент одним из наиболее «деликатных» оперативно-розыскных мероприятий, и он потенциально чреват нарушением закона[1, с. 30].

Следует отметить, что общепризнанного определения понятия провокации не существует. В Уголовном кодексе РФ имеется только одна статья, напрямую посвященная провокации – ст. 304 «Провокация взятки или коммерческого подкупа», однако необходимо отметить, что термин провокация в данном случае используется в ином специфическом значении: «Провокация взятки или коммерческого подкупа, то есть попытка передачи должностному лицу либо лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческих или иных организациях, без его согласия денег, ценных бумаг, иного имущества или оказания ему услуг имущественного характера в целях искусственного создания доказательств совершения преступления или шантажа». Но в данном случае законодатель использует термин «провокация» в ином, не общеупотребительном значении. По мнению П.С. Яни, в ст. 304 УК мы сталкиваемся с обычным для законодателя приемом, когда слово русского языка начинает использоваться в качестве специального юридического термина, имеющего в соответствующем контексте особое уголовно-правовое содержание[2, с. 34].

Оперативный эксперимент предполагает создание негласно контролируемых условий (ситуаций) и объектов, которые позволяют выявить преступное поведение лица (лиц) в целях предупреждения, пресечения, раскрытия и расследования тяжких и особо тяжких преступлений[3,с.18]. Причем его можно проводить, только для выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия средней тяжести, тяжких и особо тяжких преступлений, выявления и установления лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших (ч. 5 и 6 ст. 8 Закона об ОРД)[4, с. 87]. Данные мероприятия, по существу, вмешательство оперативных служб в процесс совершения преступления, взятие его под контроль.

В недавно отмененном постановлении Пленума Верховного суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» от 10 февраля 2000 г. № 6 в п. 25 было указано: «Не является провокацией взятки или коммерческого подкупа проведение предусмотренного законодательством оперативно-розыскного мероприятия в связи с проверкой заявления о вымогательстве взятки или имущественного вознаграждения при коммерческом подкупе»[5, с. 8].

Новое постановление Пленума Верховного суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» от 9 июля 2013 г. № 24 содержит более подробную позицию, так в п. 32 указано: «Ответственность за провокацию взятки либо коммерческого подкупа (ст. 304 УК РФ) наступает лишь в случае, когда попытка передачи денег, ценных бумаг, иного имущества или оказания услуг имущественного характера осуществлялась в целях искусственного формирования доказательств совершения преступления или шантажа и должностное лицо либо лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, заведомо для виновного не совершало действия, свидетельствующие о его согласии принять взятку либо предмет коммерческого подкупа, или отказалось их принять. Передача в вышеуказанных целях должностному лицу либо лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, имущества, оказание им услуг имущественного характера, если указанные лица согласились принять это незаконное вознаграждение в качестве взятки или предмета коммерческого подкупа, исключают квалификацию содеянного по статье 304 УК РФ. Далее в п. 34 указано, что от преступления, предусмотренного ст. 304 УК РФ, следует ограничивать подстрекательские действия сотрудников правоохранительных органов, спровоцировавших должностное лицо или лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, на принятие взятки или предмета коммерческого подкупа. Указанные действия совершаются в нарушение требований ст. 5 Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» и состоят в передаче взятки или предмета коммерческого подкупа с согласия или по предложению должностного лица либо лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, когда такое согласие либо предложение было получено в результате склонения этих лиц к получению ценностей при обстоятельствах, свидетельствующих о том, что без вмешательства сотрудников правоохранительных органов умысел на их получение не возник бы и преступление не было бы совершено. Принятие должностным лицом либо лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, при указанных обстоятельствах денег, ценных бумаг, иного имущества или имущественных прав, а равно услуг имущественного характера не может расцениваться как уголовно наказуемое деяние. В этом случае в содеянном отсутствует состав преступления (п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК)[6, с. 12].

По мнению М. В. Лямина оперативный эксперимент не означает провокацию, так как действия, преследующие цель задержания сличным преступника, пытавшегося совершить преступление, являются правомерными, поскольку умысел преступника возник независимо от обстоятельств, связанных с проведением оперативного эксперимента [3, с. 17].

Однако в практической деятельности работники широко используют провокационные действия, схожие внешне с оперативным экспериментом, но при этом данные действия можно расценивать как подстрекательство к совершению преступления.

Оперативные сотрудники по соглашению с каким-либо гражданином и, используя его поведение (открыто разговаривает по дорожному сотовому телефону, демонстрирует

наличие большой суммы денег и т. д.), направляют его в определенное место, где наиболее криминальная ситуация. А затем наблюдают за ним, дожидаясь возможных действий со стороны. В случае посягательства на собственность этого лица преступник, как правило, задерживается с поличным. Возможны случаи, когда в неблагоприятном районе оставляют автомобиль, за которым осуществляется наблюдение и в случае посягательства лицо также задерживается.

Также встречаются случаи провокации при проверочной закупке. Обращает на себя внимание исследование М.А. Фомина, которое было направлено на изучение оперативно-розыскной деятельности по выявлению преступления предусмотренного ст. 228. 1 Уголовного кодекса РФ и привело его к выводу о необходимости в целях защиты прав и законных интересов граждан и обеспечения нормальной деятельности органов правосудия в главу «Преступления против правосудия» УК РФ включить норму, предусматривающую уголовную ответственность за провокацию сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, т.е. за искусственное создание доказательств совершения преступления. Так как органы, осуществляющие ОРД, зачастую сами провоцируют граждан на совершение противоправных действий[7, с. 59]. Провокация осуществляется ими следующим образом: «Лицо, употребляющее наркотики, зачастую зависимое от правоохранительных органов, якобы добровольно обращается с заявлением в милицию с целью изобличить другое лицо в совершении преступления, связанного со сбытом наркотических средств. На основании такого заявления оперативные сотрудники оформляют проведение ОРМ «проверочная закупка». Затем заявитель обращается к лицу, знакомому ему по совместному употреблению наркотиков, с просьбой достать дозу наркотика, обещая часть наркотических средств отдать в качестве благодарности за содействие и помощь. Заявителю в правоохранительном органе вручаются заранее помеченные денежные средства, которые затем передаются выбранному для роли сбытчика наркотиков лицу. Последнее приобретает наркотик, передает его заявителю и в этот момент задерживается оперативными сотрудниками. В дальнейшем заявитель выдает данное наркотическое средство, в связи с чем, освобождается от уголовной ответственности. Другое лицо задерживается, в отношении него возбуждается уголовное дело по факту сбыта наркотика, в основе которого лежат материалы ОРМ «проверочная закупка»[7, с. 55].

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что провокационные действия в правоприменительной практике при выявлении преступлений встречается достаточно часто, данная деятельность схожа с такими оперативно-розыскными мероприятиями, как оперативный эксперимент и проверочная закупка, но в отличие от этих действий, в провокации можно наблюдать подстрекательство в большей или меньшей степени. По нашему мнению, действия, направленные на возбуждение у лица желания совершить преступление недопустимы и противозаконны.

Список использованной литературы

1. Громов Н.А., Гушин А.Н., Луговец Н.В., Лямкин М.В. Доказательства, доказывание и использование результатов оперативно-розыскной деятельности: учебное пособие. – М.: «Приор-издат», 2005; см. также: Никонович С.Л. Недостатки взаимодействия следователя с оперативными подразделениями при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота драгоценных металлов и драгоценных камней // Вестник Московского университета МВД России. М., 2010. № 9; Никонович С.Л. Преступная группа – необходимая составляющая криминалистической характеристики преступлений в сфере хищений и незаконного оборота драгоценных металлов и драгоценных камней // Вестник Московского университета МВД России. М., 2010. № 12.

2. Яни П.С. «Проверка на честность», или уголовно-правовые основания выявления взяточничества // Законность. 2007. №1.

3. Лямкин М.В. Использование криминалистических методов при расследовании взяточничества в правоохранительных органах: автореф. дис. канд. юрид. наук. – Саратов, 2003.

4. Никонович С.Л. Проблемы оперативного документирования преступлений, совершаемых в сфере оборота драгоценных металлов и драгоценных камней и способы их устранения // Право и государство: теория и практика. М., 2013. №9; Галушко В.А. К вопросу правового регулирования оперативно-розыскной деятельности // Вопросы применения Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». – М., 2007; см. также: Никонович С.Л. Особенности производства отдельных следственных действий последующего этапа расследования преступлений, совершаемых в сфере незаконного оборота драгоценных металлов и драгоценных камней // Образование. Наука. Научные кадры. М., 2011. № 4; Никонович С.Л. Противодействие расследованию со стороны организованных преступных групп, действующих в сфере незаконного оборота драгоценных металлов и камней, и способы его преодоления // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2012. № 4. ч. 2; Никонович С.Л. Использование данных ОРД в раскрытии и расследовании преступлений в сфере незаконного оборота драгоценных металлов и камней // VEDA A TECHNOLOGIE: KROK DO BUDOUCNOSTI – 2012. Materialy VIII Mezinarodni vedecko-prakticka conference. – Praha. Publishing House. – Dil 24.

5. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4.

6. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9.

7. Фомин М.А. Провокация сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов // Уголовный процесс. 2007. № 5; Никонович С.Л. Структура организованных преступных групп, совершающих преступления в сфере незаконного оборота драгоценных металлов и драгоценных камней // Мир экономики и права. СПб., 2013. № 9; Никонович С.Л. К вопросу об осмотре места происшествия по делам о хищениях драгоценных металлов и драгоценных камней // Глобальный научный потенциал. СПб., 2013. № 10.

© А.С. Климов, 2014

УДК-346

Н.Г. Медведева

К.э.н., доцент кафедры ГМУиП

Тюменский государственный архитектурно-строительный университет,

Г. Тюмень, Российская Федерация

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТУРИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

На современном этапе развития общества одним из самых динамичных секторов, как национальной, так и мировой экономики, является туристический бизнес. Туризм сегодня – одна из наиболее прибыльных и перспективных сфер вложения капитала во всем мире. По мнению аналитиков, в 2014 году он вполне может выйти на ведущее место в экспортных группах международной торговли и даже обогнать нефтедобывающую и автомобильную

промышленность. Как и любой другой вид предпринимательской деятельности, туристская деятельность осуществляется в условиях неопределенности и множества рисков, в том числе политического, экономического, социального, технологического, природного характера. Пожалуй, этот вид деятельности является одним из самых рискованных видов деятельности.

Сегодня можно говорить о явном кризисе в российском туристском бизнесе. И его признаками являются многочисленные отказы (или невозможность?!) туристических фирм в разгар туристического сезона выполнять свои обязательства перед потребителями туристских услуг, перед своими другими контрагентами (субъектами гостиничного бизнеса, перевозчиками и т.д.) и массовые банкротства турфирм. В свою очередь, банкротства турфирм неизменно влечет за собой напряженность на страховом рынке. Министр культуры РФ Владимир Мединский на одном из брифингов, 06.08.2014, назвал главной причиной кризиса неквалифицированный менеджмент [5].

Однако, как представляется, главной причиной является слабое государственное регулирование деятельности субъектов турбизнеса. Отмена лицензирования субъектов турбизнеса и введение вместо этого обязательного наличия у них банковской гарантии или договора страхования их гражданской ответственности перед своими контрагентами, ведение специального реестра субъектов туроператоров (единый федеральный реестр) [2], не стали теми мерами, которые должны были повысить надежность и гарантии выполнения субъектами турбизнеса своих обязательств. Эти меры не снижают предпринимательские риски субъектов турбизнеса и не защищают должным образом права их клиентов. Банкротство турфирм каждое лето сопровождается незапланированными финансовыми тратами из федерального и иных бюджетов страны.

В целях вывода туротрасли из кризиса, представляется целесообразным наряду с государственным регулированием ввести саморегулирование деятельности субъектов туристского бизнеса по аналогии с регулированием деятельности таких субъектов предпринимательской деятельности как арбитражных управляющих, аудиторов, ищущих, проектировщиков, строителей [1, 3], которое включает:

- создание саморегулируемых организаций (СРО) туроператоров и турагентств на основе членства;
- создание компенсационного фонда за счет взносов членов СРО;
- ведение уполномоченным органом власти единого реестра созданных СРО и осуществление им государственного контроля за деятельностью СРО и его членов;
- выдача СРО допусков к осуществлению деятельности, связанной с оказанием туристских услуг;
- проведение уполномоченными органами управления СРО повышение квалификации и подготовки и переподготовки работников турфирм;
- введение квалификационных требований к лицам, занимающим должности руководителей турфирм в части образования, опыта работы в данной сфере и др.

Целесообразно, по мнению автора, и ввести определенные требования к размеру уставного фонда коммерческих туристских организаций.

В рамках государственного регулирования туристской деятельности необходима, как представляется, обязательная стандартизация туристской деятельности в соответствии с Федеральным законом «О техническом регулировании» [4]. Стандартизация является одним из важнейших элементов государственного регулирования туристской деятельности. Так, статья 5 Федерального закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» предусмотрена стандартизация и классификация объектов туристской индустрии. Одна из последних редакций этого закона уточнила, что стандартизации

подвергаются только объекты туристской индустрии, а не турагентская и туроператорская деятельность. Туристические услуги относятся к группе объектов технического регулирования, на которые могут устанавливаться требования, применяемые и подтверждаемые только в добровольном порядке.

Данные меры, по мнению автора, будут направлены на то, что на рынке туруслуг будут действовать надежные игроки, способные выполнять свои обязательства перед клиентами в полном объеме и в сложных условиях, в условиях различных форс-мажорных обстоятельств.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 190-ФЗ (ред. от 25.04.2014) // Российская газета, 07.05.2014 - Федеральный выпуск №6373.
2. Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 02.12.1996, N 49, ст. 5491.
3. Федеральный закон «О саморегулируемых организациях» от 01.12.2007 N 315-ФЗ // Российская газета, 06.12.2007 - Федеральный выпуск №4536.
4. Федеральный закон «О техническом регулировании» 27.12.2002 N 184-ФЗ // Российская газета, N 163, 26.07.2013.
5. <http://100dorog.ru/guide/news/6553348/> - сайт «Сто дорог».

© Н.Г. Медведева, 2014

УДК 34

А. Н. Сторожев

Аспирант кафедры Конституционного и муниципального права
Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Г. Москва, 2014

КЛАССИФИКАЦИЯ И СРАВНЕНИЕ МОДЕЛЕЙ КОНСТИТУЦИОННОЙ ЮСТИЦИИ

Идея конституционного контроля появилась во второй половине XVIII века как закономерный этап развития демократии, права и государства. В некотором смысле идею конституционного контроля можно назвать следствием и результатом развития идеи разделения властей и механизма сдержек и противовесов.

Истоки этой идеи обнаруживаются в XVII в. «В Великобритании в XVII в. Тайный совет признавал законы законодательных собраний (легислатур) американских колоний недействительными, если они противоречили законам английского Парламента или общему праву»[3]. Хотя в данном случае речь идёт скорее не о собственном конституционном контроле, а о контроле подвластных колоний и ограничении их самостоятельности.

В настоящее время контроль за конституционностью законов и иных актов осуществляется либо в форме конституционного надзора (также несудебный конституционный контроль), либо в форме конституционного правосудия, которое кроме собственно контроля конституционности разрешает споры о компетенции и служит средством защиты конституционных прав человека и гражданина.

Н. Бондарь, определяя конституционное правосудие, отталкивался от понятия социального конфликта. Автор рассматривает судебный конституционный контроль, как особый универсальный институт разрешения социальных противоречий и конфликтов[5].

Конституционная юстиция предназначена в первую очередь для построения и совершенствования конституционализма, защиты и обеспечения верховенства конституции, а также защиты конституционных прав человека. Это абстрактная цель конституционного правосудия как государственно-правового института вообще. Что касается конкретной цели конституционного правосудия, то такой целью, на мой взгляд, можно назвать, во-первых, защиту нарушенного конституционного права (восстановление в праве, возмещение вреда, как правило, при конкретной жалобе), во-вторых, обеспечение верховенства конституции как основного правового акта или системы актов (признание законов несоответствующими конституции и их отмена, как правило, при абстрактной жалобе), а также разрешение споров о компетенции (здесь уже конституционный суд выступает арбитром в споре органов власти).

Доктор П. Перес Тремпис приводит следующую классификацию моделей конституционного правосудия. По мнению автора, в настоящее время нельзя разнообразие конституционного правосудия сводить к двум моделям — концентрированной и диффузной. По институциональному критерию П. Перес Тремпис выделяет три «организационные системы» конституционного правосудия в Латинской Америке.

Первая модель — система специального конституционного суда или трибунала. В ряде стран, пишет П. Перес Тремпис, существует конституционный суд, который осуществляет, монопольно или нет, конституционное правосудие и находится вне судебной системы, как орган не только специализированный, но и специальный. Эта система действует в Боливии, Чили, Колумбии, Эквадоре, Гватемале и Перу.

Вторая модель — система специализированного органа в рамках судебной системы. Здесь поддерживается принцип, согласно которому орган конституционного правосудия является специализированным органом, но встроенным в судебную систему. К таким государствам относятся Сальвадор, Коста-Рика, Никарагуа, Парагвай и Венесуэла.

Третья модель — система наделения полномочиями по отправлению конституционного правосудия не специализированных судебных органов. В этих странах конституционное правосудие, по словам автора, смешивают функционально и институционально с обычным правосудием. К странам третьей модели П. Перес Тремпис отнёс Аргентину, Бразилию, Мексику, Панаму, Доминиканскую Республику и Уругвай. В Бразилии конституционный контроль возложен только на федеральный верховный трибунал, который имеет также иные полномочия, но не является судом общей юрисдикции.

П. Перес Тремпис отдельно отмечает, что, во-первых, осуществление конституционного правосудия специализированным органом не означает, что иные судебные органы, особенно Верховный суд или Трибунал, не имеют полномочий по осуществлению конституционного правосудия (например, в Никарагуа и Парагвае). Во-вторых, даже в странах третьей группы, где нет специализированных органов конституционной юстиции, существует тенденция специализирования высших органов судебной системы в качестве органов конституционного правосудия.

Доктор П. Перес Тремпис делает вывод, что независимо от модели конституционной юстиции налицо тенденция становления специализированных в конституционном правосудии органов в той или иной форме, выбор конституционной модели связан с особенностями конкретной страны, а эффективность и независимость конституционной юстиции может быть достигнута при любой модели конституционного правосудия[2].

Следует отметить, что вторая модель (система специализированного органа в рамках судебной системы), приведённая П. Пересом Тремпсом практически повторяет его третью модель (система осуществления конституционного правосудия судами общей юрисдикции) с некоторыми незначительными особенностями. Например, полномочиями конституционного правосудия в Парагвае наделён Верховный суд, но конституционными вопросами занимается специализированная Конституционная палата в составе Суда.

Конституционная юстиция в России появляется только в 90-х годах прошлого века, спустя значительное время после возникновения этого института в Америке и Европе.

С.В. Тарадонов и Д.С. Петренко в статье «Некоторые аспекты международного и зарубежного влияния на конституционное правосудие Российской Федерации» рассматривают становление конституционного контроля в Российской Федерации с 90-х годов и влияние на него иностранных механизмов, моделей и тенденций. В частности, авторы пишут, что в начале 90-х годов многими субъектами была апробирована французская модель конституционного несудебного контроля, которая, по мнению авторов, представляет собой конституционный надзор. В середине 90-х в некоторых субъектах РФ суды общей юрисдикции осуществляли полномочия по конституционному контролю, что явно соответствует американской модели конституционного контроля. В Республике Ингушетии и Республике Алтай была установлена особая модель конституционного контроля, которая напоминает американскую с тем лишь исключением, что не любой суд общей юрисдикции вправе осуществлять конституционное правосудие, а только Верховный суд (такая модель существует, например, в Австралии и Японии).

Тем не менее, ФКЗ «О судебной системе» от 1996 года установил европейскую (австрийскую) модель конституционного правосудия и на федеральном и региональном уровнях. С.В. Тарадонов и Д.С. Петренко связывают такое решение с тяготением моделей конституционного контроля к соответствующим правовым системам (семьям), в этом случае романо-германской правовой системе соответствует европейская модель конституционного правосудия[10].

Каждая из классических моделей конституционного контроля имеет свои особенности и характерные черты, свои достоинства и недостатки. В Европейской модели можно выделить следующие достоинства:

- Конституционный суд (трибунал) занимается исключительно конституционным правосудием, в отличие от судов общей юрисдикции в американской модели;
- Конституционные суды (трибуналы) формируются особым образом, часто предполагающим участие различных ветвей власти;
- Отличный от всех иных судебных процедур процессуальный порядок (конституционное судопроизводство);
- Общеобязательный характер решений конституционных судов (трибуналов), т.е. решения обязательны не только для сторон по делу, как это свойственно американской модели, а для всех субъектов права;
- Многообразие видов осуществляемого контроля (последующий, предварительный, постановляющий, консультативный, конкретный, абстрактный)[3; 7]

Справедливости ради следует заметить, что в американской модели решения о неконституционности акта лишь изначально носят обязательный характер только для сторон по делу, в рамках которого ставился вопрос о неконституционности, но в случае если дело доходит до Верховного Суда США, его решение становится общеобязательным. То есть общеобязательность решений органов судебного конституционного контроля присутствует в системе США, но имеет сложную процедуру реализации по сравнению с европейской моделью.

В отношении американской модели многие авторы видят внушительный ряд её недостатков:

- Неправомочность Верховного суда пересматривать решения судов штатов в случае изменения ими норм общего права, истолкования каким-либо образом закона штата или признания его недействительным, кроме тех, которые затрагивают вопросы федерального законодательства;
- Инцидентный порядок решения конституционных вопросов;
- Возбуждение процедуры конституционного производства только по инициативе частных лиц;
- Длительность судопроизводства;
- Обязательность решения только для сторон и сложность придания решению общеобязательной силы;
- Опасность личностной окраски конституционной практики Верховного суда США;
- Возможность противоречивого толкования Конституции на разных исторических этапах деятельности Верховного суда[11; 6].

Кроме того, как указывает Е.В. Болдырева, в США существует доктрина «политического вопроса», ссылаясь на которую суды США могут отказать в рассмотрении вопроса о неконституционности акта, что вообще не характерно для института конституционной юстиции. Критерии отнесения ситуации к разряду политических, а не судебных, был определён Верховным Судом США в решениях по делам *Coleman v. Miller*, *Luther v. Borden*, *Powell v. Mc. Cormack* и *Goldwater v. Carter*[4].

Несмотря на такой обширный перечень недостатков американской модели, некоторые авторы выделяют определённые преимущества американской модели конституционной юстиции для России, правда, с оговоркой, что эта модель должна быть применена в субъектах федерации, в этом случае такие преимущества помогут:

- «решить вопросы кадрового обеспечения путём привлечения к осуществлению конституционного контроля в регионах на конкурентной основе опытных профессиональных судей;
- избежать дублирования, конкуренции, конфликта компетенции между конституционными (уставными) судами и судами общей юрисдикции;
- сделать конституционное правосудие материально доступным для субъектов, так как его финансирование будет осуществляться за федеральный счёт и не потребует затрат из бюджетных средств регионов на деятельность дорогостоящей судебной подсистемы;
- создать процессуальные механизмы пересмотра решений нижестоящих судов, осуществляющих конституционное (уставное) правосудие;
- сделать конституционный контроль повсеместным и фактически обязательным для всех субъектов Федерации;
- максимально отдалить деятельность конституционной юстиции от сферы политики;
- обогатить осуществление конституционного (уставного) правосудия опытом практики всей судебной системы»[10].

Следует отметить наличие преимуществ в обеих моделях конституционного контроля, причём, как для федерального уровня, так и для уровня субъектов. На мой взгляд, не стоит воспринимать одну из моделей в качестве единственно правильной, а использовать в организации системы конституционной юстиции элементы различных моделей с учётом существующих реалий и особенностей государства, субъектов государства, системы права и иных факторов. Применительно к России, например, можно предоставить субъектам, особенно тем, для которых содержание собственного конституционного (уставного) суда

является затруднительным и затратным, право установить американскую модель конституционного правосудия, оставив при этом европейскую модель на федеральном уровне.

Несмотря на то, что в мировой практике конституционного контроля сложились его определённые модели, нельзя говорить о «чистых» моделях, в любом государстве конституционная юстиция имеет свои особенности. Например, наличие такого метода конституционной юстиции, как «процедура ампаро» в Мексике, Испании и ряде других стран, преимущественно латино-американских, по мнению некоторых авторов, не позволяет отнести системы конституционного контроля этих стран к одной из двух общепризнанных моделей: американской или европейской[8]. Ампаро — специфический институт конституционного права, присущий, прежде всего, испаноговорящим странам; дословно «ампаго» переводится как «защита», «опека», «покровительство».

М.А. Александрова в своей статье пишет, что процедура ампаро представляет собой «специфический институт специализированного судебного контроля, охраны конституционного правопорядка и режима законности, осуществляемой органами судебной власти в рамках самостоятельного производства в отношении любого нормативного акта, противоречащего Основному Закону»[3]. А.А. Клишас считает ампаро одной из «нетрадиционных (не относящихся ни к североамериканской, ни к европейской модели) форм специализированного конституционного контроля»[9].

Профессор Х.А. Донсель Луенго описывает ампаро следующим образом: Процедура ампаро предусмотрена в ст. 53, п. 2 Конституции Испании, она выступает в качестве альтернативного метода защиты основных прав: то есть как ещё одно звено цепи, как ещё один стержень в решётке гарантий прав в Конституции и в правовой системе в целом. «Ещё один» означает, что есть и другие способы, «окончательный» означает, что должны быть исчерпаны другие способы защиты, «вспомогательный» означает, что другие способы являются предпочтительными. Автор всё же делает оговорку, что процедура ампаро, как окончательный метод защиты прав, понимается с точки зрения внутреннего законодательства, поскольку Испания является участником Европейской Конвенции о защите прав человека в Риме 1950 г., и воспринимает созданную ею систему защиты прав человека, последним звеном которой является ЕСПЧ[1].

Таким образом, системы конституционной юстиции в современном мире можно с той или иной степенью определённости отнести к одной из утвердившихся в юридической науке моделей: диффузной (американской), концентрированной (европейской) или иберийской (южно-американской). Тем не менее, существует тенденция сближения этих моделей, инкорпорирования их отличительных черт, а также применения смешанной системы конституционной юстиции. Эта тенденция представляет собой вполне закономерный этап развития мировой конституционной юстиции.

Список использованной литературы

1. Doncel Luengo J.A. El Modelo Español de Justicia Constitucional. Las Decisiones Más Importantes Del Tribunal Constitucional Español. // *Direito Publico*, 2005, № 9.
2. Pérez Tremps P. La Justicia Constitucional en la Actualidad. Especial Referencia a América Latina. // *Revista brasileira de direito constitucional*, v. 1, n. 1, 2003.
3. Александрова М.А. Конституционный Суд Российской Федерации как современная модель конституционного правосудия. // *Российский судья*, 2010, № 3.
4. Болдырева Е.В. Конституционное правосудие в субъектах федеративных государств: вопросы правового регулирования (на примере США, Германии и России). // *Вестник Томского государственного университета*, 2009, № 319.

5. Бондарь. Н. Конституционное правосудие — универсальный институт разрешения социальных противоречий современного общества. // «Конституционное правосудие» Вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии, 2007, № 1.

6. Жеребцова Е.Е. «Становление и развитие судебного конституционного контроля в США». // Вестник Саратовской государственной академии права, 2009, № 6.

7. Жеребцова Е.Е. К вопросу о периодизации и функционировании органов конституционного контроля европейской модели. // Мировая экономика и международное право, 2011.

8. Клишас А.А. Конституционный контроль и конституционное правосудие зарубежных стран: сравнительно-правовое исследование / Под ред. Профессора В.В. Еремина. — М.: Международные отношения, 2007.

9. Клишас А.А. Специализированное судопроизводство по защите конституционных прав граждан (косвенное или би-инстанциональное ампаро). // Государственный аудит. Право. Экономика, 2009, № 3.

10. Тарадонов С.В., Петренко Д.С. Некоторые аспекты международного и зарубежного влияния на конституционное правосудие Российской Федерации. // Государство и право, 2007, № 3.

11. Ярославцева Д.К. Правовое значение Верховного Суда США в реализации судебного конституционного контроля. // Вестник Саратовской государственной академии права, 2009, № 6.

© А. Н. Сторожев, 2014

УДК 34

Т.Г. Татарникова

магистрант кафедры уголовного права и процесса ФГБОУ ВПО
«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ И ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ НЕГО

Несовершеннолетние в УК РФ представляют собой отдельную группу участников уголовного права, что обусловлено спецификой данной группы лиц.

Начало выделения несовершеннолетних в отдельную группу лиц относится к восемнадцатому веку и обусловлено помимо гуманизации уголовного права еще и осознанием разницы уровня развития взрослого человека и несовершеннолетнего.

Преступлениям несовершеннолетних присущи свои индивидуальные особенности связанные в первую очередь с теми физиологическими и психическими особенностями, которые присущи данной категории населения. Иногда у несовершеннолетних присутствуют мотивы и цели не присущие взрослой преступности это такие как интерес, желание выделиться среди своих сверстником, преступная романтика.

Вместе с тем криминологическая сторона вопроса влияет и не может не влиять на характер и объём уголовной ответственности несовершеннолетних. Поскольку главными детерминантами преступных проявлений несовершеннолетних являются недостатки воспитания и влияние среды, общество вынуждено определённую долю ответственности брать на себя или возлагать её на малые социальные группы и конкретных лиц, не

обеспечивающих должное воспитание или оказавших прямое отрицательное влияние, смягчая уголовную ответственность самих правонарушителей [6, с. 38].

Именно в связи с этим появились различия в назначении наказания несовершеннолетним и возникновения порядка освобождения их от уголовной ответственности

Самым строгим наказанием осуществляемым в отношении несовершеннолетних является лишение свободы на определенный срок, которое заключается в изоляции несовершеннолетнего преступника от общества, путем помещения его в воспитательную колонию. Наказание в виде лишения свободы предполагает также исправительно-трудовое воздействие на осужденного, осуществляемое посредством содержания его в условиях определенного режима, привлечения к труду и проведения с ним систематической воспитательной работы. Проблемным в данном случае является то, что давно доказано, что краткие сроки лишения свободы не способствуют исправлению осужденных, с другой же стороны несовершеннолетие является периодом окончательного становления личности и от того, в каких условиях будет развиваться несовершеннолетний, во многом будет зависеть и то каким человеком он вырастет. Нередко в данном случае правоприменитель старается применить условное осуждение [5].

К сожалению, судебная практика показывает на то, что на первом месте по применению наказания стоит лишение свободы, которое в 70% назначается условно и в основном не несет желаемого результата, надо намного чаще применять альтернативные лишению свободы наказания, что с одной стороны оставит несовершеннолетнего в его привычной среде, а с другой стороны в отличии от условного осуждения не порождает иллюзию безнаказанности.

Довольно часто суд руководствуется принципом гуманизма и назначает условное наказание, применение которого колеблется от 50 до 70%. Но, к сожалению, несовершеннолетние не встретив никаких санкций со стороны государства за предыдущее преступление совершают новое. Исходя из этой ситуации, на наш взгляд, следует чаще применять альтернативные лишению свободы наказания.

Несовершеннолетний должен осознавать неотвратимость наказания, а не его видимость.

Сегодня, как показывает статистика, основное наказание для несовершеннолетних - условный срок [3]. Взрослые осужденные воспринимают условный срок как "победу", оправдательных приговоров российские суды по-прежнему практически не выносят, они составляют лишь 0,4 процента от общего числа. Несовершеннолетние мгновенно усваивают в силу своей незрелости такое отношение к условному осуждению и оценивают его как безнаказанность. Условное осуждение без комплекса мер социального воздействия специально обученным персоналом не приносит должного эффекта. Рецидив преступлений обуславливает все большее распространение в среде малолетних убийств, изнасилований, грабежей, сбыта наркотиков. В общей структуре преступлений несовершеннолетних 73,6 процента составляют особо тяжкие и тяжкие [4].

Кроме того, как справедливо отмечается в литературе, законодатель не учел, что расширительному толкованию в уголовном праве могут подвергаться лишь обстоятельства, смягчающие ответственность. Здесь же имеются в виду ограничения, которые способны существенно нарушить, урезать права и свободы несовершеннолетнего.

Также недостатком ст.90 УК РФ является то, что в ней не раскрыто содержание систематичности неисполнения несовершеннолетним возложенных на него принудительных мер воспитательного воздействия, как и тех нарушений, которые можно квалифицировать как неисполнение.

В частности, возникают вопросы: какое количество случаев неисполнения, возложенных на подростка, считается систематическим?

Надо ли считать неисполнением возложенных мер совершение подростком того или иного проступка по неосторожности?

Наконец, в-четвертых, недостаток анализируемой нормы видится в том, что законодатель не раскрывает понятие "специализированные государственные органы", на которые могут быть возложены обязанности по контролю за исполнением несовершеннолетним принудительной меры воспитательного воздействия [7, с. 74].

Между тем это понятие достаточно расплывчатое. В частности, каждый государственный орган имеет специфические задачи, в силу чего, по большому счету, каждый из них можно отнести к категории "специализированный".

Представляется, что до решения этой проблемы на законодательном уровне под специализированными государственными органами, призванными осуществлять контроль за исполнением несовершеннолетним назначенной ему принудительной меры воспитательного воздействия, целесообразно считать: комиссии по делам несовершеннолетних; отделы (отделения) профилактики правонарушений несовершеннолетних органов внутренних дел; образовательные учреждения (школы, техникумы и т.д.).

Вместе с тем было бы целесообразно законодателю установить исчерпывающий перечень таких специализированных государственных органов.

В 2011 году, например, 22% осужденных подростков судами были назначены принудительные меры воспитательного воздействия.

Эту важную тенденцию судебной практики можно считать положительной, так как применяемые принудительные меры воспитательного воздействия, перечисляемые в ст.90 УК РФ, не являются по существу уголовным наказанием, хотя преследуют, в общем-то, те же цели. Применяя эти меры, суд не ставит несовершеннолетнего в положение осужденного, что чрезвычайно важно для еще не совсем сформировавшейся личности несовершеннолетнего.

Освобождение судом от наказания несовершеннолетнего осужденного и применение к нему такой меры уголовно-правового воздействия, как помещение в специальное воспитательное учреждение закрытого типа установлено ч.2 ст.92 УК РФ. Она применима только в отношении несовершеннолетнего от 14 до 18 лет, совершившего преступление средней тяжести или тяжкое. Но данное освобождение применяется в практике крайне редко. В тоже время в деятельности государственных органов, применяющих нормы законодательства о направлении несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение имеется ряд серьезных проблем [8, с. 104]. Во-первых, не во всех регионах есть такие учреждения, в следствии чего многие дети утрачивают связь со своими родными и близкими, что в свою очередь может пагубно отразится на развитии несовершеннолетних. Во-вторых, ослаблен ведомственный контроль за работой закрытых учреждений. Много недостатков в воспитательной подготовке несовершеннолетних. Нередко встречаются факты применения к несовершеннолетнему незаконных мер воздействия, нарушаются нормы питания, не соблюдаются санитарно-гигиенические нормативы.

На протяжении многих лет не умолкают споры о создании специальных судов для несовершеннолетних, которые существуют во многих странах, но отсутствуют в РФ. Создание таких судов необходимо для улучшения работы судей, повышения их квалификации. Сейчас в нашей стране как раз не хватает судей, которые могут грамотно подойти к делами с участием несовершеннолетних, оценить их вину, оценить то окружение, в котором находится несовершеннолетний и в итоге выбрать то наказание, которое было бы максимально целесообразно в том или ином случае [9, с. 7].

В развитых странах такой комплекс мер называют "программами воспитательного правосудия", рассматривая их как дополняющие традиционные формы правосудия. Повсеместное введение ювенальных судов предлагается Советом при Президенте РФ по вопросам совершенствования правосудия. На наш взгляд, Россия в материальном плане вполне готова к подобному шагу.

Но все эти проблемы являются разрешимыми при правильной и хорошо продуманной работе государства и эффективной работе правоохранительных органов.

Список использованной литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.96г. №63-ФЗ (ред.21.07.14г.) // СЗ РФ, 1996г., №25, ст.2954
2. Постановление Пленума Верховного Суда № 16 " О практике применения судами законодательства по делам о преступлениях несовершеннолетних и вовлечение их в преступную и иную антиобщественную деятельность" // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1982. №5; 1984. №4; 1986. №1 и 13; 1987. № 1.
3. Постановление Пленума Верховного Суда № 7 " О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних" // Бюллетень Верховного суда РФ, № 4, 2000.
4. Обзор законодательства и судебной практики ВС РФ за второй квартал 2003 года.М., 2004г. // Бюллетень Верховного Суда РФ, 2004г., №3
5. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за второй квартал 2006 года // Бюллетень Верховного Суда РФ, 2006г., №6
6. Дядькин Д.И. "Правило учета несовершеннолетнего возраста подсудимого при назначении наказания" // Журнал Уголовное Право, 2006, №6
7. Киреева Е.Т. "Категории преступлений и Проблемы уголовной ответственности несовершеннолетних" // Журнал Уголовное Право. 2006, № 4.
8. Николок В.В. "Правовое регулирование направления судом несовершеннолетнего осужденного в учебно-воспитательное учреждение закрытого типа" // Журнал Уголовное Право 2007, №1
9. Гуськова А.Н."Проблемы ювенальной юстиции в России" // Журнал Уголовное Право 2006, №20

© Т.Г. Татарникова, 2014

УДК 347

В.Н.Уруков

Профессор кафедры юриспруденции ,
Международный гуманитарно-технический институт,
г.Чебоксары,Российская Федерация

К ВОПРОСУ О ДОГОВОРНОЙ ТЕОРИИ ВЕКСЕЛЯ

Проблема договорного происхождения векселя привлекала внимание многих поколений ученых, хотя с позиций науки гражданского права она углубленно не изучалась. Многие признавали договорную теорию векселя, но мало кто объяснял ее природу. Обоснование этой теории, выявление ее концептуальных положений не были предметом специального научного исследования, ни в прошлом, ни в настоящем. Тем не менее в литературе встречаются материалы, позволяющие не только познакомиться с договорной теорией

векселя, но и представить основу постижения ее сути, выявления причин ее возникновения и функционирования. Однако на сегодняшний день договорная теория векселя раскрыта недостаточно полно, а отдельные публикации, являясь определенным шагом в разрешении частных проблем этой теории, не раскрыли ее как целостную систему. Вексельное право зародилось в Италии, но с момента принятия Французского Торгового Ординанса 1673 года французское вексельное законодательство получило признание во всех европейских государствах. Во французском векселе определяющую роль играл договор и требовалось основание выдачи векселя. Так, согласно ст.16 Титула V Торгового Ординанса 1673 года «на векселедателей и индоссантов переводных векселей возлагалась обязанность доказать, что лица, на которых векселя были выписаны имели перед ним задолженность» [1,с.1123]. Таким образом, первоначально вексельное обязательство рассматривалось как договорное, поскольку законодательством того времени вексель выдавался только при наличии основания выдачи. Учеными вексель рассматривался как договор.

Однако, с момента появления труда «Das Wechselrecht nach dem Bedürfnis des Wechselgeschäfts im neunzehnten Jahrhundert» (1839) немецкого ученого К. Эйнерта (*Einert K.*), рассматривавшего вексель как купеческие деньги, а также Общегерманского вексельного Устава (1847) представление о векселе изменилось. Вексель приобрел абстрактную основу, оторванную от обязательства между лицами вексельных отношений. Теория К. Эйнерта до сих пор бытует в науке. Переноса центр тяжести своих исследований на вексельный документ, К. Эйнерт совершенно игнорировал вексельное обязательство [2,с.72]. Теория К. Эйнерта вторично возродилась в 90-е годы прошлого века в России, в науке гражданского и финансового права, в экономических науках, где К. Эйнерт выступил как высший авторитет. К сожалению в науке вексельного права не учитываются справедливые критические замечания в отношении труда К. Эйнерта, высказанные свое время профессором Б.Б.Черепахиным.

Издание вышеназванного труда профессора К.Эйнерта, в определенной степени способствовало возникновению теории одностороннего (внедоговорного) обещания, родоначальником которой явился немецкий цивилист Кунце(*Johann Emil Kuntze*). Он полагал, что вексель обязан своим созданием одностороннему акту воли лишь одного лица,—изготавливающего и подписывающего вексельный документ. По этой теории, именуемой в науке теорией креации (*Kretion theorie*), основанием возникновения права, выраженного в векселе, служит само составление бумаги, которое рассматривалось как односторонняя сделка(одностороннее волеизъявление). Её разновидности сегодня в России играют доминирующую роль в различных исследованиях векселей.

В начале XIX века появились работы, объясняющие различные стороны теории договорного происхождения векселя. Один из основоположников договорной теории векселя немецкий цивилист *Heinrich Thöl* считал вексельное обязательство фактом заключения договора вне векселя. Русскими учеными, чьи труды о договорном характере вексельного обязательства в наше время по праву составили золотой фонд вексельного права, явились профессор Г.Ф. Шершеневич, В.Д. Катков и др., которые рассматривали вексель как договорное обязательство, отмечая, имея в виду не то договорное отношение, которое привело к векселю (например, куплю-продажу или заем), а то отношение, которое создавалось векселем. Договорный момент определялся тем, что векселедатель стал ответственным в силу передачи ему векселя - документа с намерением обязать перед ним.

Современная эпоха представляет собой один из переломных этапов в истории развития векселя, когда остро встал вопрос о его будущей правовой конструкции. В советской цивилистической науке, работы, затрагивающие вопросы договорной теории векселя,

крайне немногочисленны. Одним из работ по договорной теории советского времени явился труд известного ученого-цивилиста Н.Г. Вавина, который на основании ст. 1 и 10 Положения о векселях 1922 г. сделал вывод о договорном характере юридической природы векселя. Профессор М.М. Агарков на примере передачи ордерных ценных бумаг также придерживался договорной теории векселя. Он обратил внимание на то, что «вывод о том, что всякое вексельное обязательство по действующему праву основано на одностороннем волеизъявлении, не может быть признан обоснованным» [3,с.280]. В связи с известными реформами 1930-1931гг вексель в СССР прекратил свое хождение и фактически престал быть предметом отдельных научных исследований в России до начала 90-х гг. XX века.

В постсоветское время исследовательский интерес к вексельному праву возрос. Появился целый ряд монографий и учебных пособий, посвященных вопросам отечественной науки вексельного права и вексельному обращению. В которых, как правило, исследовались вексельные отношения или давалась характеристика векселю с точки зрения теории одностороннего волеизъявления или её разновидностей. Проблемы юридической природы векселя в этих трудах поднимались на протяжении последних лет, но с позиции теории договорного происхождения векселя они малоизучены. Многие признают реальность договорного отношения в векселях, но мало кто объясняет его природу. Исследования векселя и вексельного обязательства в данных работах построены на теории односторонней сделки или одностороннего обещания или ее разновидностей. Так, в докторской диссертации «Проблемы цивилистической теории российского вексельного права» профессор В.А. Белов рассматривал вексель через призму такой разновидности теории одностороннего волеизъявления, как теория добросовестного приобретения, при этом он в категорической форме не приемля договорного происхождения векселя, утверждая, что «договор как юридический факт принципиально несовместим с теми юридическими свойствами, которыми обладает вексель как ценная бумага, а именно - свойствами публичной достоверности и абстрактности» [4,с.38]. Однако обилие работ по вексельной тематике само по себе еще не свидетельствовало о достаточном уровне доктрины вексельного права, поскольку многие теоретические и практические вопросы вексельного права не исследованы. Работы по проблемам природы вексельных обязательств и системы вексельных обязательств носили острый дискуссионный и противоречивый характер. Одна из главных причин этого – пробелы, в изучении векселя, в частности отсутствие фундаментальных трудов по договорной теории векселя. Диссертационные исследования в области вексельного права в новейшее время в России, в силу объективных и субъективных причин, проводились с позиции теории одностороннего обещания (теории односторонней сделки(одностороннего волеизъявления. В этих работах исследовательская мысль, за редким исключением, не простиралась дальше констатации факта наличия в вексельном праве взглядов, рассматривающих договорные начала в векселе, а в отдельных случаях перестала отвечать существующим правовым реалиям. Это объяснимо, поскольку работы были написаны в основном в конце 90-х годов прошлого или в начале нашего века, в связи с этим не могли быть учтены многие положения, выработанные в судебной и судебно-арбитражной практике по векселям в последние годы. Следует также принять во внимание, что основой исследования авторов являлась теория креации, главным образом теория добросовестного приобретения. Профессор Б.Б.Черпахин, придерживающийся взглядов на вексельное обязательство как обязательство односторонне-сделочного характера,

справедливо обратил внимание на слабые стороны этой теории [5,с.43-45]. По мнению профессора Б.Б.Черепяхина, теория одностороннего волеизъявления являлась безупречной, а многие вопросы вексельного права нельзя объяснить исходя из положения этой теории. В новейшее время отдельные вопросы о договорном характере векселя, о юридическом составе, порождающий вексельное обязательство, были освещены в работах В.С.Анохина, М. Г. Масевич, Е.А.Павлодского, Д.В.Мурзина, Д.С.Пахомова, Н.Г. Семилютиной, и др.

Дореволюционными русскими, германскими, и современными авторами договорными признавалось только основное вексельное обязательство. Однако в их работах недостаточно проанализированы природа и характеристики договора, порождающего основное вексельное обязательство. Договор рассматривался ими в связи с хозяйственно - экономическим, а не вексельным отношением лиц.

Однако вряд ли можно согласиться с отрицанием договорной теории векселя, поскольку судебная и судебно-арбитражная практика не восприняла теорию одностороннего волеизъявления векселя, устанавливая договорный характер векселя. Это для науки вексельного права имело принципиальное значение. Несомненно, по законам диалектики наука служит интересам практики, а не наоборот. С учетом этого наука вексельного права должна адекватно реагировать на судебную и судебно - арбитражную практику, обеспечивая более квалифицированное рассмотрение судами вексельных споров. Профессор М.М. Агарков, выделяя вексель от других ценных бумаг, верно утверждал, что «вопрос о переходе прав на бумагу... не может быть поставлен в общей форме для ордерных бумаг, а должен рассматриваться для каждой бумаги отдельно» [6,с.280]. С учетом этого теоретического положения профессора М.М.Агаркова, как представляется нам, *ошибочной являлась точка зрения ученых, полагающих спроецировать общие положения о ценных бумагах(в том числе теории о возникновении ценной бумаги) полностью на векселя.*

Таким образом, научная дискуссия о векселе, сводится к двум проблемам: вексель - односторонняя сделка (одностороннее обещание, одностороннее волеизъявление) и вексель возник на основе договора. Совершенно очевидно, что разрешение и уяснение вопросов предъявления векселя к платежу (акцепту) и его правовых последствий, определения момента возникновения и прекращения вексельного обязательства, установления систем вексельных обязательств, места системы вексельных обязательств в системе общегражданских обязательств и их взаимосвязи, а также других вопросов и проблем развития векселя напрямую зависели от того, из какой интерпретации теории векселя исходили: договорной или одностороннего обещания (односторонней сделки).

Список использованной литературы:

1. Коммерческий кодекс Франции / пер. с фр. В.Н.Захватаева. - М.: Волтерс Клувер, 2008.
2. Гордон В.М. Вексельное право. Сущность векселя, его составление, передача и протест. - Харьков: Юрид. изд-во НКЮ УССР, 1926.
3. Агарков М.М. Основы банковского права. Учение о ценных бумагах. - М.: Волтерс Клувер.
4. Белов В.А. Проблемы цивилистической теории российского вексельного права: автореф. дис. ... д.ю.н.-М.: 2004.
5. Черепяхин Б.Б. Юридическая природа векселя и Положение о векселях 1922 года. Труды по гражданскому праву.-М.: Статут, 2001. -С.43-45.
6. Агарков М.М.. Учение о ценных бумагах: науч. наследие // Основы банковского права. Учение о ценных бумагах. -3-е изд.-М.: Волтерс Клувер, 2005. -С.280.

©В.Н.Уруков, 2014

СОВРЕМЕННЫЕ ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ КОРПОРАТИВНЫХ СПОРОВ

Федеральным законом от 19.07.2009 № 205-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» в АПК РФ была введена глава 28.1 «Рассмотрение дел по корпоративным спорам», в которой регламентирован особый порядок рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам.

Законодательное нововведение имеет важнейшее значение, так как сформулировало не только само понятие корпоративных споров, но и содействовало разрешению возникающих вопросов разграничения подведомственности.

Действовавшее до середины 2009 г. процессуальное законодательство формально не знало такого института, как «корпоративные споры», при этом количество различных дел, связанных с нарушениями корпоративного законодательства, в первую очередь корпоративных захватов, было достаточно значительным. Это оказывало отрицательно влияние не только на стабильность имущественного оборота в целом, но и реализацию своих прав и законных интересов участниками корпоративных отношений, в частности.

В современном арбитражном процессуальном законодательстве впервые определяется совершенно новая категория гражданских дел по корпоративным спорам, определяется понятие «корпоративные споры», законодательно закрепляется примерный перечень видовых категорий корпоративных споров (ст. 225.1 АПК РФ). На основании вышеизложенного, специальная категория гражданских дел по корпоративным спорам, вновь введенная и определенная АПК РФ, подлежит рассмотрению только арбитражными судами, так как данная категория дел отнесена к специальной подведомственности арбитражным судам.

Квалификация выносимого на рассмотрение арбитражного суда в рамках особого порядка разрешения дел такой категории спора как корпоративный спор, определяется судом в силу норм АПК РФ.

По мнению ВАС РФ, внесение в российское законодательство изменений, связанных с порядком рассмотрения корпоративных споров, должно во многом устранить благоприятные обстоятельства для ведения «корпоративных» войн, «рейдерского захвата» с использованием рычагов «административного ресурса».

Следовательно, на современном этапе развития арбитражно- процессуального законодательства, представляется актуальным определение особенностей рассмотрения дел по корпоративным спорам арбитражными судами.

Несмотря на значительное количество правовой и монографической литературы о корпоративных спорах, современные правовые аспекты обозначенной проблемы не были достаточно подвергнуты тщательному комплексному научному анализу.

В настоящее время в доктрине как гражданского, так и арбитражно – процессуального права отсутствует единое мнение о том, что понимать под корпоративным спором.

Например, по мнению В.А. Лаптева [8, с.2-4], «корпоративный спор является собой спор между предпринимателями - хозяйствующими субъектами и иными участниками хозяйственных отношений, связанный с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности»

И.С. Шиткина [11, с. 78] применяет определение «корпоративный спор» для обозначения последствий неурегулирования корпоративного конфликта.

П.В. Крашенинников [7, с. 91] разъясняет, что корпоративными спорами в юридической литературе называют споры, связанные с предпринимательской деятельностью хозяйственных товариществ и обществ, и подразумевает под собой нарушение любых корпоративных правоотношений.

А.С. Есекеев [6, с. 5-6], обобщая интерпретации понятия «корпоративные споры», отмечает, что в понятие «корпоративный спор» входят споры, происходящие непосредственно из корпоративных отношений, но непременно обусловленные членством в корпорации.

Некоторые авторы, например Н.Г. Фроловский [12, с. 11], отмечают, что понятие «корпоративные споры» имеет не только специальное содержание, определенное арбитражным процессуальным законодательством, но и носит обобщающий, специальный (процессуально-правовой) и в определенной мере условный характер.

Это проявляется не только в том, что по субъектному характеру корпоративного спора, законодательно закреплен «статус корпорации», в том числе и за организациями, не основанными на началах членства (например, в отношении государственных унитарных предприятий), но и в том, что, напротив, не признан в отношении иных юридических лиц - организаций, построенных на началах участия (членства), за которыми цивилистической доктриной признается такой статус (например, общественная организация).

Во втором случае такого рода споры оказываются за пределами компетенции арбитражных судов. Они входят в круг компетенции судов общей юрисдикции, ибо законом они не отнесены непосредственно к ведению арбитражных судов [2, с. 31].

Раскрывая понятие корпоративных споров в абзаце 1 статьи 225.1 АПК РФ [1], законодатель не использовал такого критерия, как субъектный состав спорных правоотношений; о правовом статусе их участников можно судить лишь косвенным образом на основе общего содержания правоотношений, обозначенных в абзаце 1 статьи 225.1 АПК РФ.

Анализируя эти приемы описания корпоративных споров применительно к вопросам разграничения компетенции судов общей юрисдикции и арбитражных судов, следует особо отметить, что они полностью соответствуют базовой составляющей правила о специальной подведомственности юридических дел арбитражным судам: согласно части 2 статьи 33 Кодекса такая категория дел рассматривается арбитражным судом независимо от того, какой статус имеют субъекты правоотношений, из которых возник корпоративный спор – участники, юридические лица, индивидуальные предприниматели или иные организации и граждане.

Таким образом, мы установили, что корпоративные споры представляют для системы арбитражных судов относительно новую категорию. До принятия указанных существенных изменений в действующее законодательство, в том числе в АПК РФ, не был определен порядок подведомственности корпоративных споров, что в целом порождало в судебной практической деятельности разночтения [5, с. 78].

Основываясь на положениях АПК РФ, автор полагает, что понятие корпоративного спора, следует сформулировать следующим образом: «корпоративный спор – это конфликт интересов учредителей, членов гражданско-правовых отношений в экономических спорах, поименованных в АПК РФ, к разрешению которого привлекается арбитражный суд как независимый и не заинтересованный в его исходе дела государственный орган, при особом указании в арбитражно-процессуальном законодательстве на порядок разрешения такого рода споров».

Исходя из вышеизложенного, автор полагает, что правовая категория «корпоративные споры» используется только для целей применения норм АПК РФ, и имеет своим

непосредственным назначением не только определение объема специальной подведомственности корпоративных споров арбитражным судам, но и определение предметной компетенции арбитражных судов в отношении корпоративного спора, установление определенного, закрепленного законом порядка судопроизводства для разных категорий гражданских дел, а также определение конкретного вида корпоративного спора при их многообразии для применения установленных законом специальных арбитражно - процессуальных правил судопроизводства.

Мы установили, что корпоративный спор возникает по поводу осуществления корпоративных прав и обязанностей и представляет собой конфликт интересов, возникающий между определенными субъектами: между корпорацией как юридическим лицом и ее органами, в том случае, если они выступают отдельно от корпорации, так и между ее участниками.

Корпоративные споры можно также охарактеризовать и как коммерческие споры [3, с. 21-22].

В свою очередь, под термином «коммерческие споры» понимаются «споры, которые возникают между специальными субъектами гражданского права - лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность», - отмечает М.А. Рожкова [10, с. 30]. Коммерческие споры являются следствием только гражданско-правовых отношений.

Понятие «корпоративные споры» формируют его основные признаки, через которые раскрывается его материально-правовое содержание [9, с. 136].

Первый основной признак корпоративного спора заключается в том, что именно организационно-правовой статус юридического лица легализует его «корпоративный статус», и в связи с участием такого лица и его участников возник корпоративный спор [5, с. 21-22].

По данному признаку включаются не только коммерческие юридические лица, но и некоммерческие организации.

Второй основной признак корпоративного спора характеризует «корпоративный характер» спора, определяет связь между участниками спора, и связан с созданием юридического лица, управлением им или участием в нем, включая осуществление прав и исполнение обязанностей его членами.

Концепция совершенствования судебной реформы отталкивалась из необходимости явственного разграничения компетенции судов непременно по предметному критерию, то есть по характеру спора, что и было зафиксировано в действующем АПК РФ.

Все виды корпоративных споров, можно подразделить на несколько самостоятельных групп

1. Споры по оспариванию действий (бездействия) органов управления корпорацией, лиц в них входивших, а также связанные с установлением порядка функционирования органов управления.

2. Споры, поданные в арбитражный суд, по искам членов юридического лица, связанные с защитой имущественных прав и упорядочению хозяйственного оборота.

3. Споры, возникающие в связи с созданием, преобразованием реорганизацией и ликвидацией юридического лица.

4. Споры, вытекающие из хозяйственной деятельности юридического лица в процессе создания и текущей деятельности и непосредственно затрагивающие оборот вещных прав, связанный также с обращением денежной массы.

5. Споры, следующие из деятельности нотариусов по удостоверению сделок с долями в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью.

Необходимо также отметить, что понятие «корпоративные споры» в текущем арбитражно-процессуальном законодательстве используется в широком смысле за счет присутствия в их составе и иных споров, включая отдельные, прямо указанные публично-правовые споры [8, с. 3].

Таким образом, на основании вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что корпоративный спор - это возникшие по поводу или в связи с участием в корпорациях, разногласия между участниками корпоративных правоотношений, т.е. это неурегулированный корпоративный конфликт.

Круг субъектов корпоративных правоотношений достаточно широк и включает: непосредственно корпорацию; участников (членов) корпорации; органы корпорации и их должностные лица; иные третьи лица, с случае, если они вступают в правоотношения с участниками корпорации в связи с их участием в данных корпорациях.

Корпоративные споры, как правило, могут возникнуть в кругу определенных субъектов: между учредителями юридического лица и самой корпорацией; между органами корпорации и их должностными лицами; непосредственно между учредителями корпорации, в том числе между членами и третьими лицами; между участниками юридического лица и органами управления.

Список использованной литературы:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 30.12.2012)// Собрание законодательства РФ. - 29.07.2002. - № 30. Ст. 3012.
2. Бабаев А.Б. Методологические предпосылки исследования корпоративных правоотношений // Вестник гражданского права. - 2007. - № 4. С. 31.
3. Бушев А.Ю., Попондопуло В.Ф. Корпоративное право: проблемы науки и практики // Арбитражные споры. - 2005. - № 3. С. 21 - 22.
4. Галашин С.А. Теоретико-правовой анализ понятий «корпоративные нормы» и «корпоративное право» // История государства и права. - 2007. - № 9. С. 21 - 23.
5. Гуцин В.В., Порошкина Ю.О., Сердюк Е.Б. Корпоративное право: Учебник для юридических вузов. М.: Эксмо, 2006. С. 78.
6. Есекеев А.С. Теоретические проблемы корпоративных отношений и корпоративных споров // Предпринимательское право. - 2007. - № 4. С. 5 - 6.
7. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2009. С. 91.
8. Лаптев В.А. Корпоративные споры: понятие, виды и способы предотвращения // Предпринимательское право. - 2007. - № 4. С. 2 - 4.
9. Рожкова М.А. Корпоративные отношения и возникающие из них споры // Вестник ВАС РФ. - 2005. - № 9. С. 136 - 148.
10. Рожкова М.А. Средства и способы правовой защиты сторон коммерческого спора. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 30.
11. Учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению "Юриспруденция" / Отв. ред. И.С. Шиткина. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 78.
12. Фроловский Н.Г. Понятие корпоративного спора // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2010. - № 6. С. 11 - 16.

© К.И.Юрова, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

П.Г. Зверев ЦЕЛИ ПРИМЕНЕНИЯ КОНВЕНЦИИ О ПРИВИЛЕГИЯХ И ИММУНИТЕТАХ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ 1946 Г.....	3
П.Г. Зверев ТИПЫ ИММУНИТЕТА ПО КОНВЕНЦИИ О ПРИВИЛЕГИЯХ И ИММУНИТЕТАХ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ 1946 Г.....	4
М.А. Зинковский ЮРИДИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА.....	6
А.С. Климов ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ДОПУСТИМОСТИ ПРОВОЦИРУЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ.....	8
Н.Г. Медведева ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТУРИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	11
А. Н. Сторожев КЛАССИФИКАЦИЯ И СРАВНЕНИЕ МОДЕЛЕЙ КОНСТИТУЦИОННОЙ ЮСТИЦИИ.....	13
Т.Г. Татарникова ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ И ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ НЕГО.....	18
В.Н. Уруков К ВОПРОСУ О ДОГОВОРНОЙ ТЕОРИИ ВЕКСЕЛЯ.....	21
К.И.Юрова СОВРЕМЕННЫЕ ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ КОРПОРАТИВНЫХ СПОРОВ.....	25

Научное издание

НОВЫЕ ЗАДАЧИ ПРАВА И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

**Сборник статей
Международной научно-практической конференции
1 сентября 2014 г.**

В авторской редакции

Подписано в печать 03.09.2014 г. Формат 60x84/16.
Усл. печ. л. 2,25 Тираж 500 Заказ № 88

Издательство "Аэтерна"
450076, г. Уфа, ул. Гафури 27/2
e-mail: info@aeterna-ufa.ru
Тел.: + 7 (347) 266 60 68